

Я ДЕМОЛЕЙ (ПРИЕМ)

Полумрак. Кажется, что передо мной бесконечное помещение. Неяркий свет только в конце зала.

Вдали за длинным столом сидят трое пожилых людей в черном, а рядом с ними в тусклом блеске лент и медалей четверо молодых.

Черный человек со свечой в руках вышел на середину зала. Медленным шагом он стал двигаться по кругу, поднося свечу к озаряющимся подсвечникам.

Из темноты проявилась кафедра. Невидимая рука подтолкнула меня к ней.

На кроваво-бордовой салфетке я увидел открытую библию и... стопку школьных учебников.

Тишина. Колеблющиеся тени вдоль стен намекали на присутствие невидимых людей.

Две, три, четыре минуты? Пауза затягивалась. Напряжение росло.

Вдруг. Прямо над головой раздался громкий гулкий удар, видимо, громадного гонга. Звук пронзил все мое естество и, кажется, поглотился костями, наполнив их непривычной тяжестью.

Из-за стола поднялся Мастер ложи.

— От имени всемирной организации Де Молей и ложи Де Молей города Сан-Пауло, властью, мне данной, я объявляю наше благочестивое собрание должным образом открытым. Братья, в этот час, когда по всей нашей земле матери наклоняются над кроватями, в которых лежат их любимые дети, в этот час, когда для людей в домах и больницах наступает час отдыха, приостановим наши работы на время, когда священник прочитает молитву.

Появился брат в длинном коричневом одеянии. Вознеся руки к небу, он начал молитву:

— Отче наш, как сыновья, любящие родителей, мы вызываем Твое Божественное благословение на всех отцов и матерей нашей страны и всего мира и просим тебя излить особое благословение на наших матерей, которые наблюдали за нами и заботились о нас в течение всех лет нашей жизни.

Мы просим твоего благословения для всех, кто трудится для облегчения человеческих страданий и нужды. Помоги нам идти по прямому пути, достойному всех тех, кто трудился в мире и в нашей любимой стране, в каждой области жертвенности и служения. Аминь.

— Аминь! — как будто ответили стены десятком юных голосов.

Слово опять взял Мастер ложи.

— Прежде чем приступить к церемонии, мы просим всех взрослых, которые не являются мастерами-масонами или членами Де Молей и которые посещают заседание Де Молей в первый раз, взять на себя обязательство сохранения тайны. То же самое призываю сделать кандидата. Поместите правую руку на сердце и повторяйте за мной.

— В присутствии Бога и свидетелей я даю честное слово, что я никогда не буду разглашать тайны Ордена, никому и никогда не стану разглашать имена братьев.

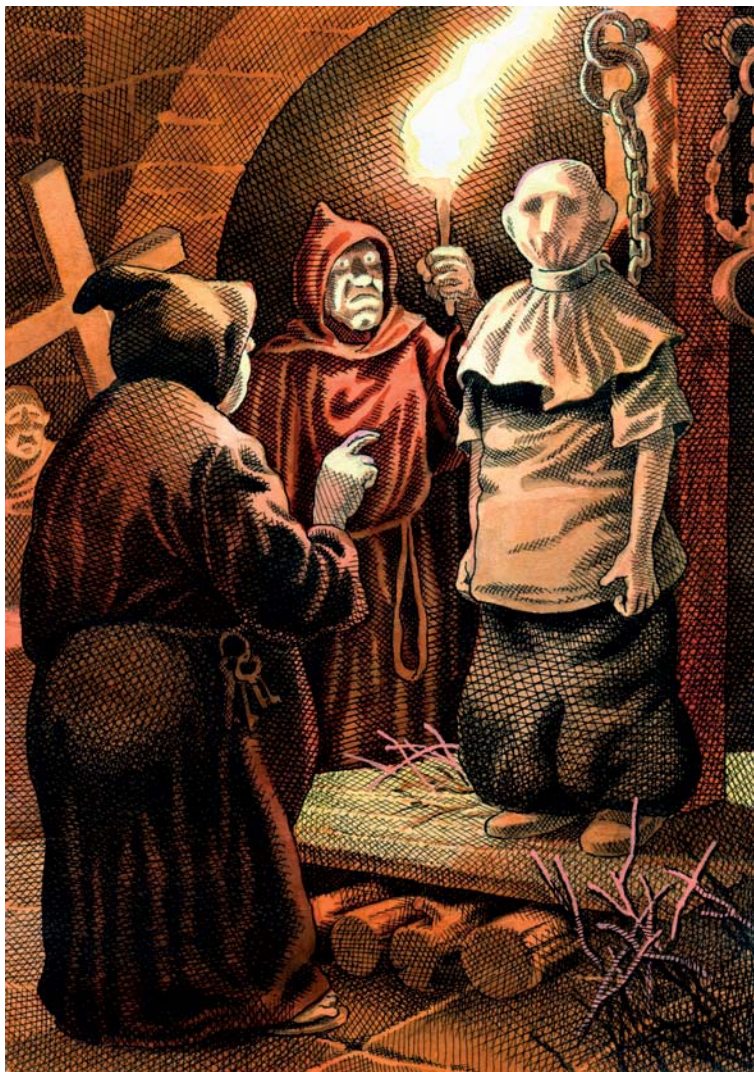
Я вслух повторил последнюю фразу.

— Брат Энтон, степень, которую ты собираешься получить, представляет трагическую кульминацию в карьере Жака де Моле, героя и мученика, который является примером для нашего ордена.

Только сейчас я сообразил, что все понимаю. Мастер говорит по-испански.

— Тирания учит необходимости толерантности. Фанатизм звучит призывом к братству. Мы стремимся подчеркнуть великолепный героизм де Моле, его непоколебимую верность идеалам братства. Эти и другие достоинства, над которыми не властны ни возраст, ни время, мы вливаем в наши учения как наиболее прочную основу человеческого характера. Мы считаем, что если молодые люди строят жизнь на таком фундаменте, они выра-

Потянуло запахом горячей материи

стут сильными, благородными мужчинами, достойными гражданами своей страны.

Мастер ложи повернулся и исчез во мраке.

Гонг! Свет снизу. Рядом с кафедрой возникли пять черных фигур в длинных хитонах. Капюшоны прикрывали их головы и лица. У среднего, самого представительного монаха в руках большой деревянный крест. Позади этой тревожно-молчаливой группы я увидел вызвавшую невольную дрожь конструкцию: невысокий помост с воткнутым посередине столбом, сверху которого свисали закопченные цепи.

Крест вознесся над головой главного инквизитора.

— Жак де Моле, ты предстал перед нами, чтобы выслушать окончательное решение Святой Инквизиции.

Ты обвиняешься в том, что будучи главой Ордена, практиковал много мерзости.

Ты обвиняешься в лицемерии и предательстве при проведении крестовых походов в Святую Землю.

Ты обвиняешься в предательстве короля и в ереси к Церкви.

Ты обвиняешься в попустительстве к неверным.

Ты обвиняешься в поклонении дьявольским идолам.

Ты обвинен и приговорен к смерти. К смерти через сожжение на костре.

Ледяная волна всколыхнулась внутри живота и, со все убыстряющейся частотой раз двадцать пролетов от макушки до пяток, упала чуть ниже, взорвалась обжигающим адреналином. Я почувствовал, что вспыхнули даже уши. Но думаю, что это никто не успел заметить. На голову накинута мешок. Крепкие руки подхватили меня под локти и перенесли на помост с заготовками для пожарища.

Это так не вязалось с душевной прамбулой церемонии, что мое сознание отказывалось посылать какие-то импульсы телу.

Еще мгновение и возможные попытки сопротивления были уже бесполезны. На шею захлопнулось массивное железное кольцо, прикованное короткой цепью к столбу, венчающему страшное сооружение.

Что мне бросили под ноги? Ё-моё, это же хворост!

Инсталляция инсталляцией, но ужас я испытал настоящий. Кто-то подошел, опалив лицо горячим воздухом. «Факел», — подумал я.

Но не может быть, что в центре города на глазах у сотни людей сжигали юных иностранных подданных. Где пожарные инспектора, где толерантная общественность, друг Фабио, наконец, где????

«Открытый огонь в помещении? Не может быть», — успокаивал я себя.

Напрасно... Потянуло запахом горячей материи. Рядом кто-то застонал. В отдалении раздался приглушенный шум голосов, звон шпаг, женский или детский плач.

Горю!?

В 21 веке вряд ли сожгут, но, может мистическим образом я перенесся в век четырнадцатый! Тогда уж точно сожгут заживо. В сознании всплыли поразившие мое детское воображение инструменты из камеры пыток Музея истории религии. Хорошо, что хоть без такого живодерства обходятся командиры Демолеев. Быстро гореть, конечно, лучше, чем долго мучиться. Но зажариться так не хочется...

Заорать что ли? А на каком языке? Включился разум. Если я в Сан-Пауло 21 века, то мне ничего не угрожает, а если в Париже в 1314 году, то ни испанский, ни английский, ни русский все равно не прокатят. Лучше помолчу, в любом случае, развязка близка.

Запах, сопровождаемый треском горящих сучьев, усилился. Или все же заорать?

Я вспомнил цыпленка-гриль, которого мы частенько покупали в петербургском универсаме. Я слышал, что перед смертью перед человеком проносится вся его жизнь. У меня из прошлого только цыпленок. И то не пронесся,

а предстал на большой тарелке, припорошенный петрушкой. Значит, еще не конец!..

Звон ключей. Железный браслет слетел с шеи, и практически одновременно кто-то сдернул мешок с моей головы. Передо мной стоял Великий мастер.

— Мы приветствуем тебя, благородный мученик. Пусть свет твоего последнего костра осветит нашу жизнь и очистит ее от суетной шелухи.

До меня дошло: я сыграл (а скорее, пережил) последние минуты Жака де Моле.

— На протяжении почти семи столетий люди почитали твой несравненный героизм, твою непоколебимую верность. Все эти годы твоя сила вдохновляла их. Мы, которые приняли Твое великое имя, гордимся, что можем достойно нести его. Можем ли мы воплотить в жизнь благоговение, патриотизм и толерантность, сыновнюю любовь, мужество и служение нашему обществу, государству и нации, уроки, которые черпаем в твоей героической жизни и твоей мученической смерти?

Можем ли мы извлечь из жестокости урок доброты, может ли научить нас алчность щедрости, измена и предательство верной дружбе? Можем ли мы жить так же благородно, как ты умер?

— Преклони колени, брат.

Я встал на правое колено. Как на сцене театральный дым, откуда-то стала излучаться и обволакивать меня тихая музыка — Ave Maria.

— Брат Энтон, ты постучался в нашу дверь, потому что выразил свое одобрение наших целей. Ты доказал нам, что в Орден тебя привело не праздное любопытство, а желание выполнить свое жизненное предназначение. Ты выбрал правильный путь. Действительно великое может быть построено лишь на по-настоящему прочном фундаменте, на фундаменте знания, добра и справедливости.

Брат мой, отныне ты связан с нами неразрывной цепью, и мы приветствуем тебя от всего сердца. Запомни и сохрани в своем сердце законы братства.

Братья должны оказывать друг другу помощь и поддержку даже в случае опасности для своей жизни. Они также обязаны оказывать помощь любому человеку, подвергающемуся опасности.

В неустанных поисках Истины и Высшей Справедливости братья не признают никаких препятствий и ограничений.

Они абсолютно привержены к уважению личности и свободы другого человека, признают за каждым право на собственное мнение и его свободное изложение. Они всегда стремятся примирить противоположности и объе-

динить людей на основе всеобщей нравственности и уважения личности каждого.

Они считают работу своим долгом и правом.

Они обязаны уважать законы и законную власть страны, в которой они живут и свободно собираются.

Аве Марию сменили величественные аккорды Баха.

— Fiat Lux!* — возгласил Мастер.

** Это не реклама Фиата, а «да будет свет» (лат.).*

И свет явился. Я прозрел и увидел все великолепие храма и примерно двадцать молодых людей, приветствующих меня жестом римских сенаторов. Два брата в рыцарских плащах с поднятыми вертикально мечами встали рядом со мной.

— Следуй за нами.

Церемониально поднимая ноги и звеня шпорами, они медленно и величественно сопроводили меня на Восток* и усадили рядом с Великим мастером.

** Восток — место в храме Де Молей, где пребывает Мастер ложи и почетные гости.*

Дальнейшее действие было не менее впечатляющим, но возможности мозга и чувств были исчерпаны. Я щипал

себя за ногу в ожидании завершения этого сна. Но пробуждение не наступало. Я все больше убеждался, что это хоть и невозможная, но все же реальность.

Через пелену разъедающего глаза пота я досмотрел церемонию закрытия и доучаствовал в ней: вставал, ходил, садился, надевал и снимал перчатки, был звеном в символической братской цепи...

.....

Поддерживаемый Фабио, я без сил покинул Храм. Я был весь мокрый, как после двухчасовой тренировки.

— Как впечатление? — спросил Фабио.

— Самое сильное в моей жизни впечатление. Мой тренированный организм выделил литр адреналина. Поллитра наверняка можно получить, только выжав рубашку. Не знаю, кажется, менее здоровый пацан мог бы отбросить от такого стресса копыта*.

**Отбросить копыта — устойчивое словосочетание (фразеологизм). Синонимы: дать дуба, загнуться, издохнуть, конзиться, околеть, окогуриться, опогить, отбросить коньки, отдать Богу душу, отдать концы, подохнуть, помереть, погить, преставиться, приказать долго жить...*

— Пока такого не случалось, по крайней мере, у нас.

Церемония продолжалась часа два. Уже девять вечера. Надо позвонить домой. Я включил телефон. Па-па-ра-па-па... — оповестил он меня о принятой смске.

Я открыл сообщение: «Поздравляю внука-луфтона с приемом в братство. Дедушка Маринеро».

Фабио отреагировал на мое растерянное выражение лица:

— Что случилось?

— Дедушка поздравил с приемом в Де Молей. Откуда он знает? И что такое луфтон?

— Начнем с конца, луфтон — это потомственный масон.

— А я тут причем?

— Де Молей — это как бы юношеское отделение всемирного масонского братства. Твой дедушка — Почетный Великий Командор* Великой масонской ложи Испании. А твои более древние предки были тамплиерами, и не самыми последними в орденской иерархии.

**Великий Командор — одна из высших степеней в масонской иерархии.*

— Интересно, а мама об этом знает?

— Не думаю, ведь это мужские тайны. А чтобы ты завтра не подумал, что сегодняшняя церемония была сном, прими от меня подарок. И он протянул мне кольцо.

— А родителям можно рассказать о Де Молей и показать кольцо?

— Конечно, это же официальная организация с прекрасной репутацией, учащая любить ближних и хорошо учиться. Твои родители должны одобрить и даже умилиться.

— Так в чем же здесь секретность?

— Секретности пока нет. Это прикрытие. Но это не только прикрытие. Это важная часть подготовки. Переживание состояния смерти в церемонии сожжения Великого мастера тамплиеров изменяет человека. Невозможно и неправильно бояться того, чего не знаешь.

Во время инсталляции ты был близок к смерти. Это чувство сохранится надолго и при приближении реальной опасности будет тебя предупреждать. Важно и то, что с сегодняшнего дня ты находишься в семимиллионной братской цепи: почти два миллиона Демолеев и пять миллионов братьев-масонов по всему миру. Любой из них протянет тебе руку в трудную минуту.